

Как и ожидал Се Му, тот толстяк, которого увела Лисела, больше не вернулся.

Однако наивные рабы не заметили ничего странного.

Они продолжали наперебой рассуждать о том, какой чудесный вечер ждет толстяка, как мисс Лисела одарит его своей милостью и как он будет хвастаться своей удачей, когда вернется.

На следующий день в полдень, в то же самое время, Лисела снова отворила дверь конюшни.

Как и вчера, рабы рухнули на колени перед ней.

Но на этот раз они были явно активнее, чем вчера:

— Госпожа Лисела, выберите меня сегодня!

— Меня, выберите меня!

— Не служите их, выберите меня!

Даже одна рабыня вовсю завопила:

— Госпожа Лисела, я на все согласна!

...

Взгляд Лисела скользнул по присутствующим и в конце концов снова пал на мужчину-раба.

Приказ был точь-в-точь как вчера: помыться и зайти к ней в комнату.

День третий.

День четвертый.

Лисела появлялась каждый день точно в назначенное время, каждый раз забирая по одному рабу-мужчине, и каждый раз отдавала один и тот же приказ.

Что же касается уведенных рабов, то без единого исключения они больше не появлялись.

К ночи четвертого дня в конюшне осталось всего трое мужчин и три женщины.

Именно в эту ночь кто-то наконец почуял неладное.

— Вы говорите... они действительно удостоились милости госпожи Лиселы?

— Почему... почему ни один из них не вернулся?

— Неужели мисс Лисела их...

— Да быть не может. Мисс Лисела такая прекрасная, такая добрая.

Когда работорговец хотел нас избить, именно она заступилась!

В прохладном ночном воздухе рабы тихонько, невпопад переговаривались.

Но, в отличие от первых дней, та оживленная атмосфера с перепалками и спорами исчезла без следа. Голос каждого был приглушен до предела, словно люди боялись, что их кто-то услышит.

Се Му по-прежнему хранил молчание.

Он посмотрел на девочку по имени Чжи Цзы, которая одиноко сидела в углу.

Она была его ровесницей и такой же немногословной.

Хотя внешне она казалась относительно спокойной, уголки ее глаз непрерывно подрагивали.

...

К всеобщему неожиданному удивлению, в полдень пятого дня Лисела выбрала женщину-рабыню.

Ту самую женщину лет тридцати, которая ранее кричала, что согласна на всё. При звуках своего имени ее лицо мгновенно побелело.

А другая женщина, постарше, лет сорока, в тот момент, когда Лисела произнесла имя ее подруги, судорожно сжала зрачки.

Она резко протянула руку, приоткрыв рот, словно пытаясь что-то сказать, но дверь конюшни уже безжалостно захлопнулась за спиной Лиселы.

Женщина воочию увидела, как силуэт той несчастной растает за дверью, и ее тело затряслось так сильно, будто ее поразила молния.

С самого начала в этой партии рабов было всего три женщины: две женщины средних лет и маленькая девочка по имени Чжи Цзы. Оказавшись запертыми в конюшне, эти две ровесницы со схожей горькой судьбой сблизились и стали друг для друга единственной опорой.

Они были непоколебимо уверены, что Лисела не станет забирать женщин-рабов. А значит, они обе непременно выживут.

Но Лисела всего одной фразой разбила их прекрасные иллюзии.

...

Та рабыня, предсказуемо, так и не вернулась.

Тем же вечером оставшаяся женщина разразилась отчаянным плачем.

Этот плач был негромким, но вонзился в уши каждому, как игла, окончательно воспламенив страх на дне людских сердец.

— Все равно никто не вернулся... Как такое возможно?!

— Как же так... нас осталось всего пятеро.

— Завтра ведь не выберут меня... Нет... Не может быть...

Се Му ничего не сказал.

...

— А-а-а-а! Убийство!

Ранним утром шестого дня пронзительный мужской крик вырвал Се Му из сна.

Он открыл глаза, и представшая перед ним картина заставила его судорожно втянуть воздух:

Голова той женщины была намертво прижата к каменным яслям, а кровь на лбу уже засохла и запеклась.

На коже не осталось ни единой капли крови, выражение лица было мучительным и жутким — она насмерть разбила себе голову о кормушку.

Бесспорно, лишившись единственной подруги, она выбрала самоубийство.

Се Му молча глядел на это бездыханное тело. Позади доносились тяжелые, учатившиеся вздохи двух рабов-мужчин, похожих на загнанный в угол скот.

Чжи Цзы сидела в углу, не произнося ни слова, лишь глубоко уткнувшись лицом в колени.

Теперь в живых осталось всего четверо рабов: Се Му, Чжи Цзы и двое мужчин.

В полдень Лисела отворила дверь и сразу же увидела окровавленный труп.

На ее лице промелькнуло брезгливое выражение, однако она не стала ничего делать с телом, словно смерть раба ничем не отличалась от гибели крысы.

Она отвела взгляд от трупа и указала пальцем на сидевшего в углу мужчину — того самого дядьку, который утром первым заметил тело и издал истошный крик.

В тот самый момент, когда Лисела собралась заговорить:

— Демон! Я сдохну, но прикончу тебя!

Другой раб-мужчина неизвестно когда тайком подкрался к Лиселе сбоку. В его руке был зажат острый черепичный осколок, отколотый от угла конюшни.

С диким воплем он бросился на Лиселу, целясь обломком прямо ей в лицо.

Хлоп!

Глухой, мощный звук.

Пытавшийся совершить покушение раб на глазах у всех разорвался кровавым туманом.

Брызги крови разлетелись вокруг, обагрив лица присутствующих, кормушки для скота и тело покончившей с собой женщины.

Теплая, с металлическим запахом.

Предупреждение работарговца оказалось правдой от первого и до последнего слова.

А Лисела от начала до конца даже не моргнула. Она по-прежнему спокойно стояла на месте, подняла изящный палец, легко смахнула брызнувшую на уголок губ кровь, а затем поднесла кончик пальца к языку.

В тот момент, когда ее язык коснулся крови, ее темно-зеленые глаза ярко блеснули.

Этот свет исчез мгновенно, но от него по спине побежали мурашки.

— Вы действительно умеете тратить мои деньги впустую.

Се Му впервые услышал нотку гнева в голосе Лиселы.

Но по-настоящему его зрачки сузились от другого: когда она слизывала кровь, обнажились ее клыки — они были гораздо длиннее, чем у обычных людей, острые и жуткие, прямо как у дикого зверя... или, вернее сказать, вампира?

— Снаружи в тазу есть горячая вода, помойся и приходи ко мне в комнату.

Голос Лиселы прозвучал вновь, словно приговор к смертной казни. Она посмотрела на раба-мужчину, которого до смерти перепугал этот кошмар.

Мужчина собственными глазами видел, как его товарищ превратился в кровавое мексилово прямо перед ним, и его рассудок был уже на грани краха:

Он обеими руками намертво обхватил голову, безумно раскачиваясь из стороны в сторону, а капли крови с его лица разлетались во все стороны. Тело сжалось в комок, губы были искусаны до крови зубами, а в растерянных зрачках зияла пустота.

— Нет, нет, не надо... Ты демон... Умоляю! Умоляю тебя! Не ешь меня... А-а-а...

— Ты непослушный.

Лисела проигнорировала его отчаянные вопли и повернулась, чтобы уйти.

В тот самый миг, когда она переступила порог конюшни, у раба словно выдернули сознание. Судороги прекратились, крики умолкли.

Словно марионетка на ниточках, он жестко поднялся на ноги и нелепой походкой направился к выходу из конюшни. При ходьбе его руки дергались невпопад, ноги двигались так же уродливо,

и каждый шаг грозил обернуться падением.

Се Му воочию наблюдавшего за мужчиной, который еще пару секунд назад отчаянно сопротивлялся, а теперь послушно выползал из конюшни подобно марионетке.

Дверь конюшни вновь тяжело захлопнулась.

Воздух, казалось, застыл в этот миг. В конюшне воцарилась мертвая тишина, не было слышно даже дыхания.

Последний раб-мужчина, помимо Се Му, тоже встретил свой смертный час.

...

<http://bllate.org/book/19325/1890112>